

мами социального сотрудничества, без которого не возможна человеческая жизнь. Поэтому морально-психологическая атмосфера в остроге была ужасной. Как отмечал писатель, "большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были непрерывные: это был ад, тьма крошечная" [1].

Таким образом, в процессе исследования генезиса нигилистического поведения индивида следует различать не только социальные, но и психогенные факторы, определяющие направленность его развития как личности. Девиантное поведение человека отличается от законопослушной деятельности как по содержанию направленности развития личности, так и по психорегуляционным особенностям. Для образа жизни большинства преступников характерны социаль-

но-ценностная дезадаптация и дефекты саморегуляции, причиной которых является деструктивное ориентирование индивида. При низком уровне саморегулятивных возможностей человека асоциальные установки не только не контролируются, но сами становятся доминирующими механизмами в его поведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Достоевский Ф.М.* Записки из Мертвого дома. – М.: Республика, 1984. – 620 с.
2. *Макаренко А.С.* Педагогическая поэма: собр. соч. в 4-х т. – М.: Изд-во "Правда", 1987. – Т. 1. – С. 249.
3. *Фромм Э.* Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 350 с.
4. *Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. – Минск: Коллегиум, 2003. – С. 140.

Gulaykhin V.N. The Psychogenic Factors of Legal Nihilism // Vestnik of Volgograd State Medical University. – 2005. – № 3(15). – P. 86–88.

The article deals with the problem of functioning of psychogenic mechanisms which determine the phenomenon of legal nihilism. Author believes that social behavior of an individual should be explained by means of inter- and counteraction of two opposing drives in every person: Eros (the instinct of life) and Thanatos (the instinct of death). The dominant tendency in an individual development (Eros or Thanatos) determines his/ her behavior as a subject of law, his/ her relation to reality and hierarchy of legal values, according to which legal regulations are to be accepted or denied.

УДК 943.085.2

ПРАВЯЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ: ВИЛЬГЕЛЬМ КУНО

Т.В. Евдокимова

Волгоградский государственный педагогический университет

Впервые в отечественной историографии дана личностная характеристика Вильгельма Куно, канцлера Веймарской Германии 1921–1922 гг. Рассматриваются его отношения с представителями политической элиты различной партийной принадлежности. Подчеркивается главный принцип его деятельности: примат экономики над политикой.

Вильгельм Куно относится к числу тех канцлеров Веймарской Германии, жизнь и деятельность которых не изучалась в отечественной историографии, главным образом, из-за неприятия буржуазной демократии, вообще, и ее представителей, в частности. Однако, канцлерство В. Куно имело ряд особенностей, которые заслуживают внимания при изучении Веймарской республики.

22 ноября 1922 года впервые в истории первой германской демократии – после канцлеров от СДПГ (Ф. Шейдемана, Г.-А. Бауэра, Г. Мюллера) и от Партии центра (К. Ференбаха, Й. Вирта) – пост главы кабинета занял беспартийный Вильгельм Куно. Он ценился, прежде всего, как видный предприниматель и эксперт по экономическим вопросам. Впервые за годы существования Веймарской республики у власти оказался

человек, не принадлежавший к "веймарской коалиции", куда входили исключительно демократические партии.

По своему внешнему облику – высокий, светловолосый, голубоглазый – он во всем соответствовал широко распространенному представлению о нем, как о человеке нордического типа. Британский посол д'Абернон, например, сравнивал его с Лознгрином, героем германской легенды XIII века, сыном Парсифаля. Учитывая предупредительная и вместе с тем сдержанно-деловая манера поведения позволили В. Куно, выходцу из Тюрингии (его родиной являлся Зуль), проявлять себя в качестве типичного представителя ганзейских торговых людей. [1, с. 161; 5, с. 380; 6, с. 92] В этом отношении ему во многом помогала семья жены.

Итак, в одном лице тюрингец и ганзеец с чертами человека нордического типа. Однако его броский внешний вид не у всех вызывал восхищение. Широко известны слова Вальтера Ратенау, предпринимателя, интеллектуала, одно время активного политика в правительстве Й. Вирта, которые содержали мало лестного для облика В. Куно: "Также и эта сигара должна быть выку-

(15)

рена из-за своего превосходного оберточного листа".

Куно был далек от политики. Во времена кайзеровского рейха он являлся служащим, находившимся вне политики. Получив юридическое образование в университетах Хайдельберга, Бреслау, Берлина, доктор юридических наук Вильгельм Куно работал сначала референтом в высшем земельном суде в Лейпциге, затем ассессором в имперской службе казначейства в Берлине. В годы Первой мировой войны руководил поставкой зерна в империю и являлся ответственным за организацию военной службы снабжения продовольствием. Именно этот род деятельности и позволил ему установить тесные контакты с представителями германского судоходства. В ноябре 1917 г. генеральный директор НАРАГ¹ Альберт Балин предложил Куно войти в состав директоров НАРАГ, что тот и сделал, покинув пост тайного оберрегрингсрата (ORR – высший чиновник).

В конце 1918 г. Вильгельм Куно возглавил гамбургское морское судоходство после того, как Балин, не перенеся крушения рейха, покончил жизнь самоубийством. Так, Куно начал служить республике как специалист по вопросам торгового судоходства. В этом качестве же он принимал участие на переговорах по заключению перемирия, мирного договора, а затем по репарационному вопросу. [3, с. 54–55]

Условия Версальского договора предполагали сокращение большей части германского торгового флота, то есть они напрямую затрагивали НАРАГ. Когда В. Куно узнал, что страны Антанты отклонили какие – либо переговоры и предъявили ультиматум, он объявил о своем выходе из переговорного процесса. Данный шаг был следствием не только разочарования представителями морского судоходства в странах Антанты, но и свидетельством глубокого убеждения, что требования стран-победительниц служат сиюминутным политическим интересам и уменьшают шансы Германии на выполнение условий выплаты репараций. Сильный торговый флот являлся источником процветания германского экспорта, без которого было трудно выплатить репарации. Таким образом, Куно продемонстрировал позицию, которую он будет отстаивать и в годы канцлерства: экономика преобладает над политикой.

Умение Куно вести торговые переговоры, его экономический подход к делу, тонкая дипломатия и, главное, признание Веймарской республики – с 1920 по 1922 г. – способствовали тому, что он многократно получал предложения занять важные посты в правительстве. После отставки

М. Эрцбергера в 1920 г. Вильгельм Куно был назван возможным кандидатом на пост министра финансов; в 1921 г. ему предложили пост посла в Вашингтоне в надежде улучшить германо-американские отношения для решения репарационной проблемы. В 1922 г. канцлер И. Вирт был готов предоставить ему пост министра иностранных дел. И лишь на предложение президента Ф. Эберта, сформировать новый кабинет после отставки И. Вирта, Вильгельм Куно ответил согласием. [7, с. 377] Появление Куно на посту канцлера являлось результатом личного выбора президента. Между Куно и Эбертом имелись общие точки соприкосновения.

Когда в середине 1920 г. распространились слухи о том, что рейхспрезидент, временно избранный Национальным собранием, не собирается выдвигать своей кандидатуры на референдум, Куно написал личное письмо Ф. Эберту, настаивая, чтобы тот не покидал своего поста. По мнению консервативного генерального директора НАРАГ, Эберт представлял собой интеграционную фигуру, способную осуществить кооперацию всех политических сил внутри новой системы с целью сохранения старого экономического порядка, для восстановления экономического благосостояния. Таким образом, Куно и Эберт были сторонниками интеграции широких политических сил. И тот, и другой надеялись на американские займы как средство преодоления кризиса. Куно настаивал на созыве международной конференции финансовых и промышленных экспертов для решения репарационного вопроса. Он отстаивал идею выделения германских долгов из политической борьбы на международной арене. И еще по одному вопросу совпадали их взгляды: оба считали заключение Рапалльского договора с Советской Россией грубой ошибкой. (Возможно, именно этим объясняется оценка, данная выше Куно Ратенау, который и подписывал договор как министр иностранных дел). Антизападная и просоветская позиция Германии в данном случае затрудняла проблему предоставления имперскому правительству кредитов, как извне, так и внутри страны. По мнению Эберта, Куно, как представитель торгово-финансового мира Германии, должен был решить эту задачу.

Дать характеристику партийно-политических взглядов и пристрастий Куно достаточно сложно. Его отношение к социал-демократам, к Эберту объяснялось не столько его политическими симпатиями, сколько убежденностью в том, что социал-демократия – как важнейший фактор политической жизни – должна быть причастна к правительственной ответственности. Куно достаточно сдержанно относился к молодой республике и к парламентской системе. Его можно отнести к разряду "Vernunftrepublikaner", то есть "республиканец по разуму". Он имел невысокое мнение

¹ Hamburg America-Paketschiffahrtsgesellschaft – гамбургская компания морского судоходства по связи с Америкой.

о рейхстаге. Об этом, например, говорит тот факт, что, находясь на посту канцлера, он редко посещал заседания рейхстага. Споры и дискуссии между партиями вызывали у него пренебрежение. В целом идеология не оказывала на него особого влияния.

В силу его консервативных позиций и места в экономической жизни страны Куно часто причисляли к ГНП (Германская народная партия), либерально-консервативной партии крупного капитала и промышленников. Но на выборах 1920 г. он отказался представлять эту партию. Из-за конфессиональной принадлежности (Куно – католик по вероисповеданию) его можно было отнести к Партии центра, но, как мало для него значили религиозные взгляды в определении политической ориентации, говорит тот факт, что во время выборов в президенты в 1925 г. он голосовал не за кандидата от демократической середины католика В. Маркса, а за представителя юнкерско-милитаристских, консервативных кругов Германии Пауля фон Гинденбурга. Единственной партией, к которой он имел ярко выраженную позицию, была КПП (Коммунистическая партия Германии). Это была антикоммунистическая позиция. Он демонстративно уехал с Генуэзской конференции после подписания Рапалльского договора.

Когда Куно поручили сформировать правительственный кабинет, он пытался создать его на широкой парламентской основе. [2, с. 1–4] Но, как и его предшественнику Й. Вирту, ему пришлось столкнуться с нежеланием СДПГ вступить в коалицию с ГНП. После длительных переговоров ему все же удалось создать так называемое "деловое министерство", к которому принадлежали 4 беспартийных министра-специалиста, остальные были политически ангажированы. [5, с. 94].

Кабинет, образованный Куно, по сравнению с другими кабинетами Веймарской республики, находился далеко справа. С другой стороны, при обсуждении правительственного заявления стало очевидно, что все партии за исключением КПП, относятся к этому кабинету толерантно, партийное руководство боялось затяжного правительственного кризиса. Впервые в истории Веймарской республики доверие правительству высказала ГННП (Германская национальная народная партия), надевшаяся на проведение консервативной национальной политики. Лидер ГННП, Карл Гельферих, имел тесные личные отношения с В. Куно. Это дало повод Густаву Штреземану назвать впоследствии Куно "канцлером, который стоял далеко справа, как никакой другой канцлер Германии до этого". Именно этот факт осложнил отношения Куно с социал-демократами.

Став канцлером Куно еще жестче, чем его предшественники, стал критиковать Версальскую систему: он требовал уравнивать Германию с дру-

гими странами, открыть мировой рынок для германских товаров, изменить конечную сумму выплаты репараций, требовал от западных держав совместного решения вопроса о репарационном долге Германии. Одним словом, он отказался использовать методы своих предшественников.

Сложности выплаты репараций сказывались на внутри политическом положении страны, так как при этом должен был решаться главный вопрос: кто же будет нести основную тяжесть при выплате долгов Германии. Хотя во внутренней политике Куно следовал лозунгу своего предшественника "Хлеб вместо репараций", вместе с тем он требовал сокращения "непродуктивного производства", что соответствовало интересам промышленных союзов и что вызвало неприятие со стороны социал-демократов и профсоюзов. Вопрос о стабилизации марки собственными силами и использования инфляции, как инструмента удешевления германского экспорта и финансирования имперского бюджета, с самого начала соответствовал квадратуре круга. Попытка Куно через дипломатические каналы в Вашингтоне, Лондоне, Париже, воспрепятствовать Франции осуществить насильственные мероприятия в случае невыплаты репараций и подписать акт безопасности всех прирейнских государств, закончились неудачей. 11 января 1923 г. французские и бельгийские войска оккупировали Рур.

Ни одно правительство, начиная с Первой мировой войны, не имело такой единодушной национальной поддержки, как правительство Куно. Его поддержали даже коммунисты. Куно приняли восторженно. Его готовность встать во главе широкого народного протеста и оказать достойное сопротивление внешнему, чрезвычайно сильному врагу [4, с. 308–309] расценили в обществе, как позицию сильного человека, который приведет политику "пассивного" сопротивления к счастливому исходу.

По мнению В. Куно, успех политики во многом зависел от создания единого национального фронта. Однако политические силы, входившие в него, были разнородны.

Экстремистские круги националистических сил думали о перерастании "пассивного" сопротивления в "активное". С помощью правительства они хотели включить в борьбу свои нелегальные организации. Но, если Куно на это и шел, это не означало готовности правительства к активному сопротивлению, то есть к введению войны. При всем национальном восхищении к Куно он не был готов к политике катастроф. Тем более, что социал-демократическое правительство Пруссии и профсоюзы, являвшиеся главным носителем сопротивления в Руре, с большим недоверием воспринимали каждый националистический выпад со стороны экстремистов.

Напряженность по этому поводу возросла, когда депутат от ГСПФ (Германской свободной

(15)

партии фелькише) в феврале и в марте 1923 г. попытался в устной и письменной форме привлечь на свою сторону канцлера в качестве союзника против прусского министра внутренних дел К. Зеверинга. В результате Куно встретился с руководителем "фрайкорповцев" (полувоенная националистическая организация "Добровольческий корпус") Г. Росбахом. Когда же 17 марта прусский министр внутренних дел арестовал Росбаха и 23 марта обыскал канцелярию ГСПФ, а на следующий день запретил эту организацию, стало очевидно различие подходов имперского и прусского правительств. Куно, который в то время находился в Мюнхене, первоначально не был проинформирован о действиях прусского правительства, расценил запрет этой организации как односторонние действия против правых, что, с его точки зрения, противоречило политике единого национального фронта. Куно и его статс-секретарь Э. Хамм потребовали жестких мер против коммунистов. Намерение рейхсминистра одновременно запретить как пролетарские отряды самообороны, так и нацистские штурмовые отряды, вызвало большое сопротивление в Баварии.

Открытое противостояние левых по отношению к правительству Куно стало очевидно тогда, когда началась инфляция, и упал жизненный уровень основной массы населения. Благожелательный нейтралитет, который социал-демократы держали ранее по отношению к канцлеру, уступил место критике, грозившей перерасти в открытую вражду. Хотя протест направлялся больше против министра иностранных дел Ф. фон Розенберга, чем против Куно.

Первым симптомом к свержению кабинета была чрезвычайно острая критика в печатном органе Партии центра "Германия" от 27 июля 1923 г. [2, с. 695–697] Когда же стало известно, что социал-демократы готовы сотрудничать в правительстве "большой коалиции" с ГНП буржуазные партии середины не видели больше смысла в дальнейшей поддержке правительства Куно.

Однако у Куно оставалась поддержка рейхс-президента. Он ею не воспользовался, так как не обладал волей к власти. Г.Сект, главнокомандующий войсками, в своих мемуарах отметил, что "рейхспрезидент был поражен. Но он не мог держать того, кто сам отказывался (от власти – Т. Е.)". По воспоминаниям Геслера, накануне

своей отставки Куно приходил к нему домой. Канцлер находился на грани нервного срыва. Он сказал: "Позвольте мне пару часов здесь тихо посидеть. У меня такое чувство, что надо мною рухнет дом". О. Геслер назвал Вильгельма Куно "самым слабым канцлером Германии" [2, с. 25].

Возможно, данная точка зрения преувеличена. Куно не стремился к должности, он следовал больше чувству долга, когда отошел от проблем экономики и обратился к чуждым для него вопросам политики. Куно был не политиком, а управленцем. Далекий от партийных ссор и распрей, он не мог соперничать с министрами, которые прошли "школу выживания" в партиях и в предыдущих составах правительства. Неоднозначны его отношения с промышленниками Рура, которые одними из первых продемонстрировали проблематичность создания единого национального фронта. Находясь на посту канцлера, Куно оставался безупречным и добродетельным имперским служащим, пытавшимся опереться на широкий спектр политических сил и надеявшийся на лояльность. Аннексионистским намерениям Пуанкаре в то время вряд ли можно было воспрепятствовать. Неполитичный Куно в условиях контрполитичной Германии (1922–23 гг.), с его идеями примата экономики над политикой, был чужд духу Германии того времени.

После отставки, Куно вернулся на пост генерального директора НАРАГ, что соответствовало его натуре, и умер накануне прихода А. Гитлера к власти 3 января 1933 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *d'Abernon V.* Ein Botschafter der Zeitwende. Memoiren, 3 Bde., Leipzig 1929–1930. – Bd. 2. – S. 161.
2. AdRK. Das Kabinett Cuno. 22 Nov. 1922 bis 12. August 1923, bearb. Karl-heinz Harbeck, Harald Boldt Verlag, Boppard am Rhein, 1968. – S. 1–4.
3. Biographisches Lexikon zur Weimare Republik/ Hrsg. von Benz W., Graml H. – Muenchen: Beck, 1988. – S. 54–55.
4. Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Hrsg. Von E.R. Huber. Deutsche Verfassungsdokumente 1918–1933. – 1992. – Bd. 4. – S. 308–309.
5. *Gessler O.* Opt.cit. S.245; *Luther H.* Opt.cit. – S. 94.
6. *Luther H.* Politiker ohne Partei. Erinnerungen. Stittgart, 1960. – S. 92 f.
7. *Severing C.* Mein Lebensweg. 2 Bd. – Koeln, 1950. – Bd. 1. – S. 377

Evdokimova T.V. Political lidars of Weimer Germany: Wilhelm Kun // Vestnik of Volgograd State Medical University. – 2005. – № 3(15). – P. 88–91.

For the first time a personal characteristic of Wilhelm Kun, a kansler of Weimer Germany, was given in Russian historiographic in 1921–1922. His conections with different political leaders are examined. The main principles of his activity: the preference of economy over policy is also underlined.